

Глава 4

ВОЗМОЖНОСТЬ СВОБОДЫ НА ГЛОБАЛЬНОМ УРОВНЕ

Хенрик Энрот

Мы должны быть готовы к такому обвинению и поэтому не уставать задавать себе вопрос, в чем цель и предмет наших изысканий.

Квентин Скиннер. Свобода до либерализма

Не быть свободным аморально, освобождение — это одновременно крещение и спасение души, настоящее демократическое причастие.

Жан Бодрийяр. Невозможный обмен

В последние годы мы наблюдаем достаточно резкий поворот к республиканским принципам в развитии глобальной политической теории,¹ особенно заметный в попытках вывести межнациональный нормативный идеал из того, что Квентин Скиннер назвал «неоримским» взглядом на свободу. В источниках раннего Нового времени, из которых этот взгляд на проблему и был извлечен Скиннером и другими исследователями, быть свободным означало «действовать в соответствии с собственной волей и не подчиняться ничьей чужой воле». Зависимость от чужой, даже доброй воли с этой точки зрения приравнивалась к рабству [Skinner 2010: 95–102]. Как показал Скиннер, этот взгляд на свободу представлял собой идеал, одинаково применимый и к гражданам, и к государствам: быть свободным гражданином — значило жить в свободном государстве — *civitas libera*, — государстве, «способном действовать в соответствии со своей собственной волей, то есть в соответствии с общей волей своих граждан, благодаря тому, что не зависит ни от чьей иной

¹ В этой статье под словосочетанием «глобальная политическая теория» я имею в виду главным образом разнообразные попытки рассуждать о природе, возможности и желательности политического устройства на глобальном уровне.

воли, кроме совокупной воли своих граждан» [Skinner 2010: 99; ср. также: Скиннер 2006]. Как утверждал Скиннер, «учитывая непростую ситуацию, в которой оказалось современное общество, полезно вспомнить и переосмыслить неоримскую точку зрения, согласно которой зависимость подрывает нашу свободу» [Skinner 2003: 24–25].

Эта точка зрения была с энтузиазмом воспринята в теориях глобальной политики, поскольку такая концепция свободы «лучше всего соответствует децентрализованной, неоднородной, сетевой природе современной глобальной власти» [Laborde 2010: 61]. При этом «неоримский», по Скиннеру, взгляд на свободу большинство его сторонников предпочитают называть «республиканским»; так же, ради удобства и по сложившейся традиции, его буду называть здесь и я. «Кажется, эту часть спора [о терминах. — *Примеч. ред.*] я проиграл», — признался недавно Скиннер [Skinner 2008: 84]. Ключевое влияние на дальнейшие рассуждения относительно республиканской концепции свободы оказал Филипп Петит, определивший ее, в отличие от Скиннера, как отсутствие «доминирования», а не как отсутствие «зависимости». Петит при этом отметил: «Я не вижу никакой существенной разницы между тем, что мы тут говорим, и я должен признать, что, хотя мы используем разные слова, имеем мы в виду более или менее одно и то же» [Pettit 2002: 341].² В рамках истолкованного таким образом представления о свободе основополагающим становится тезис об отсутствии доминирования, где под доминированием понимается «такое распределение сил, при котором возможно произвольное вмешательство в нашу жизнь» [Pettit 2002: 341; ср.: Pettit 1997: 22].

Идеал свободы как отсутствия доминирования, первоначально введенный в употребление Петитом для описания форм и источников доминирования, а также для определения свободы в современном государстве [Pettit 1997; 2002; 2005], в последнее время стал успешно использоваться в глобальной политической теории. В ней он применяется для оценки взаимодействия между государствами в качестве критерия, позволяющего государствам «определить основные международные свободы, которыми они все в равной

² Анализ понятия «зависимость» в нынешнем республиканском возрождении можно найти в: [Sparling 2013: 1–30].

степени и одновременно могут пользоваться» [Pettit 2010: 85]. Этот идеал превратился в принцип международной справедливости, «побуждающий помогать тем, кто находится в абсолютной нищете (обеспечивая таким образом базовые возможности для всех людей во всем мире), и сглаживающий особенно заметные проявления неравенства (сдерживая или нейтрализуя власть доминирующих государств)» [Laborde 2010: 60]. Он стал использоваться для обоснования прав человека на глобальном уровне в рамках базового «права иметь права», понятого как «нечто вроде права бороться с отношениями, в которых вы оказываетесь подчинены чьей-то власти» [Iverson 2010: 42; ср.: Bohman 2005a; 2009]; кроме того, с его помощью были очерчены рамки мирового «демократического минимума», который позволит «людям эффективно защищать свою свободу и равенство в ситуации возможного доминирования, проистекающей из дефицита демократии в мировой системе» [Bohman 2005a: 102].

Таким образом, с идеалом отсутствия доминирования связываются большие ожидания. Тем не менее вера в ту или иную политическую концепцию, особенно когда эта концепция делает столь головокружительную карьеру, требует от нас пристального внимания к ее содержанию. Как показал Скиннер, неоримское представление о свободе, выросшее из традиции римского права и республиканского духа итальянского Ренессанса, приобрело особую популярность в середине XVII в. в Англии во время гражданской войны. Однако в XIX в. оно постепенно «исчезло из вида» [Скиннер 2006: 9]. А сегодня, благодаря усилиям таких историков и политических философов, как Скиннер и Петит, оно снова возрождается, чтобы наконец стать ответом на все вопросы глобальной политической теории. В свете этой не самой очевидной генеалогии и с учетом значения, которое сам Скиннер придает роли контекста в историческом исследовании, можно было бы ожидать, что мода на республиканскую свободу все же будет сопровождаться тщательным изучением того, что включает эта трехвековая *реконтекстуализация* политического понятия. Скиннер ожидаемо отстаивает республиканский взгляд на свободу и ее генеалогию; с его точки зрения, республиканский поворот в глобальной политической теории говорит о «крайне важной коррекции <...> представлений раннего Нового времени о свободном государстве» [Skinner 2010: 100].

Я надеюсь показать, что все в действительности обстоит несколько сложнее. Использование республиканской концепции свободы в глобальной политической теории заставляет задать вопрос, который, согласно Мартину ван Гелдерену и Скиннеру, редакторам авторитетного двухтомного исследования республиканизма, «нельзя игнорировать при обсуждении республиканского наследия», а именно: «в какой мере мы вообще имеем дело с актуальным (*usable*) прошлым» [Gelderen, Skinner 2002: 6]. С одной стороны, это вопрос о существовании и непрерывности традиции политической мысли, восходящей к римскому праву; с другой — это вопрос о том, насколько политические идеи прошлого можно использовать в политической теории и практике настоящего. С моей точки зрения, мы не столько «имеем дело» с «актуальным прошлым» в политической теории или практике, сколько конструируем его. В этой статье я опишу два таких способа конструирования республиканских представлений о свободе как актуальном прошлым в рамках глобальной политической теории.

Согласно *первому способу* республиканская свобода мыслится как нечто вполне достижимое на глобальном уровне здесь и сейчас; для этого понятие адаптируют к представлениям о современной международной системе, а возможные рамки доминирования и институциональные условия гражданской свободы, идентифицированные в республиканской традиции, сводят к существующим формам межгосударственных отношений. Согласно *второму способу* понятие используется для того, чтобы сформулировать представление о будущем всемирном свободном государстве — *civitas libera*, — а также для того, чтобы опознать его проявления в настоящем; при этом определение доминирования расширяется, дабы оно соответствовало предполагаемой экспансии современной глобальной власти, а вопросу об институциональных условиях гражданской свободы придают меньшее значение, отходя, соответственно, от основ республиканской традиции. Как я планирую показать, перенесение республиканского представления о свободе в глобальный контекст (его реконтекстуализация) сопровождалось поразительной, однако до сих пор непризнанной реконцептуализацией республиканской свободы и доминирования, причем не только относительно республиканских представлений Нового времени, но и, что еще более удивительно, относительно многого

из того, что было представлено и изложено Скиннером и Петитом каких-нибудь десять лет назад.

В следующих двух разделах я детально рассмотрю эту стремительную реконцептуализацию и покажу, как идея республиканской свободы (отнюдь не упрочивая представление о применимости республиканской теории свободы в глобальном контексте) поставила своих сторонников перед необходимостью выбирать между узко понимаемым этатистским интернационализмом, утверждающим верность принципам республиканской традиции, и неопределенной формой республиканского космополитизма, от этих принципов уходящего. Ни то ни другое при этом не может считаться неопровержимым доказательством применимости республиканского взгляда на свободу в глобальном контексте. В третьем разделе я покажу, что реальная — но все еще не реализованная — возможность республиканской свободы в глобальной политической теории обнаруживается не в этатистских моделях глобального порядка и не в смелых прозрениях демократов-космополитов, но в третьей плоскости: в тех моральных принципах, которые можно извлечь из республиканской традиции и которым можно следовать (в мысли, действии и суждении) при переходе от существующей государственной системы к еще неизвестному глобальному политическому устройству. Здесь я могу лишь в самых общих чертах описать эту перспективу, но, я уверен, что сама возможность может быть реализована только в том случае, если сторонники республиканской теории будут готовы и способны пересмотреть и свои трактовки республиканской свободы как идеала глобальной политической теории и практики, и свой подход к вопросу о применимости в настоящем политических идей прошлого.

I. РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДОМИНИРОВАНИЯ

Как показал Скиннер, в республиканской традиции раннего Нового времени описывается два разных состояния государства, при которых оно считается «живущим в рабстве», в том смысле что «его способность к действию зависит от воли, отличной от воли сообщества (*body*) его граждан»: это происходит либо когда государство оказывается подчинено воле другого государства в результате

колонизации или завоевания, либо «когда внутреннее устройство государства позволяет тем, кто им управляет, практиковать произвол и прибегать к прерогативе» [Скиннер 2006: 51–52]. Вариации на темы этих представлений раннего Нового времени сохраняются и сегодня, особенно в контексте использования республиканского понятия свободы глобальной политической теорией. До тех пор, пока в центре нашего внимания остается государство, реконтекстуализация остается вопросом поиска актуальных исторических примеров и иллюстраций. Скиннер, например, указывает на «нынешнее положение британцев», починающихся «нерегулируемой исполнительной власти, в результате чего народ и его представители в равной мере обречены находиться в состоянии зависимости от нее» [Skinner 2003: 25]. В такой формулировке существующее положение вещей являет собой классический пример «прерогативы», т. е. исключительного права монарха, осуждавшийся английскими неоримскими авторами XVII в. Поэтому использование Скиннером республиканского понятия свободы в описании такого рода современных примеров остается верным не только духу, но и букве представлений раннего Нового времени.

В целом, однако, реконтекстуализация республиканского понятия рабства в свете современной жизни вышла далеко за пределы таких упоминаемых Скиннером категорий раннего Нового времени, как «произвол», «прерогатива» и «тирания». Еще более удивительно то, что эта реконтекстуализация практически не включает понятия «колонизация», «завоевание» и «империя». ³ *Mutatis mutandis*, ключевой вопрос, встающий при использовании в глобальной политической теории республиканского понятия свободы, восходит к классике республиканской традиции, он одновременно прост и неприятен: возможно ли в глобальном контексте защититься от

³ Всего за год или два до того, как понятие республиканской свободы было введено в обиход глобальной политической теории, Патчен Маркелл выступил против предложенной Ф. Петитом интерпретации понятия как отсутствия доминирования отчасти на том основании, что такая трактовка никак не учитывает «все то или, по крайней мере, большую часть того, что должно волновать нас в размышлениях об империи» (что в данном контексте толковалось как «политика глобального господства Америки») [Markell 2008: 11]. Как это ни удивительно, если посмотреть с позиции исторического наследия неоримских теоретиков свободы, их неонеоримские последователи в стане теории глобальной политики избегают упоминаний империи в любом смысле этого слова.

угрозы произвольного использования власти? Можем ли мы как политические субъекты быть свободны на глобальном уровне?

Петит, отвечая на этот вопрос, апеллирует к идеалу отсутствия доминирования, обрисовывая с его помощью контуры «республиканского права народов (*law of peoples*)⁴», под которым понимаются своего рода «международные меры, которые следует рекомендовать как средство координации и организации поведения национальных государств в том виде, в котором они существуют в настоящее время» [Pettit 2010: 70]. Данная формулировка явилась попыткой установить какое-то равновесие в мировой политике между конфликтующими нормативными требованиями — государственного суверенитета и права человека, — предложившей рассмотреть идеал «более богатый, чем идеал невмешательства, и одновременно не столь утопичный, как космополитичный идеал справедливости» [Ibid.: 73]. В этом контексте Петит заново определил понятие «доминирование» как «отношения, в которых одна из сторон в той или иной мере осуществляет внешний контроль (*alien control*) над другой стороной» [Ibid.]. Внешний контроль (который Петит понимает как «возможность произвольного вмешательства» [Ibid.]) явным образом сопряжен с «надзором», подразумевающим, что в конкретной ситуации выбора «каждая возможность (x), имеющаяся у В, заменяется x-разрешенным-А. То есть если В удастся выбрать определенный x, то это происходит лишь *cum permissu*, то есть с позволения А» [Ibid.: 74].

Петит выделяет на мировой арене три типа акторов, которые «могли бы осуществлять внешний контроль» над другими государствами: собственно государства, частные корпорации и международные организации [Ibid.: 77]. Если где-то на мировом уровне наблюдается нехватка или утрата свободы (причем в такой степени, что республиканцам следует на это обратить внимание), то это является результатом доминирования могущественных действующих лиц и укрепления позиций, занятых ими. Примеры, которые Петит приводит в своей книге “Republicanism” и в последующих

⁴ Термин *law of peoples* (право народов) отсылает к популярной работе Джона Роулза «Право народов», описывающей альтернативу традиционной международной системе, основанной на суверенитете государств. В свою очередь Петит представляет республиканскую трактовку права народов. — *Примеч. ред.*

публикациях, очерчивают «доминирование» как отношения между данными акторами, в которых у доминирующего есть возможность произвольно вмешиваться в выбор доминируемого, дополненная желанием доминирующего навязывать свою волю доминируемому, неважно — явно и при помощи открытого насилия или незаметно и при помощи мягкой силы [Pettit 1997: 52]. Как дань неоримскому представлению о свободе, знанием о котором мы обязаны Скиннеру, эта концепция свободы как отсутствия доминирования тесно связана с традицией, в которой ограничение и утрата свободы неизменно описываются при помощи отсылки к неким могущественным акторам и их способности навязывать другим свою волю. В свое время Ричард Прайс использовал метафору рабства в своей книге «Два трактата о гражданской свободе» (“Two Tracts on Civil Liberty”, 1778) для описания отношений между американскими колонистами и британской империей. Он утверждал, что мы пребываем в состоянии зависимости всегда, когда «нас держат под властью хозяев» [Price 1991: 77–78].

Когда ситуация повторяется сегодня, когда понятия и аргументы, принадлежащие иной традиции, начинают применяться к нашим современным глобальным условиям, оказывается, не так уж очевидно, как и в какой мере эта метафора рабства применима: что означает нахождение под властью хозяев в условиях транснациональной взаимозависимости? «В сегодняшнем мире, — признается и сам Петит, — каждое государство может ощутить негативные, прямые или косвенные, воздействия от того, что раньше бы сошло за безобидное действие другой стороны». Для Петита единственное жизнеспособное решение в свете всех этих зависимостей и взаимозависимостей состоит в их контроле дискурсивным режимом, или, другими словами, в обсуждении их природы в рамках международных организаций, таких как ООН. «Только при посредстве международных дебатов, основанных на признании определенных общих оснований, государства могут надеяться определить, где они ущемляют свободу друг друга, а где естественным образом должны быть установлены границы этой свободы как отсутствия доминирования» [Pettit 2010: 85].

Другие представители республиканской теории, возражая Петиту, говорят о том, что недостаточно уделять внимание лишь сознательно действующим акторам, если мы хотим оценивать

должным образом разнообразные формы и источники доминирования в глобальном масштабе. Как писала Сесиль Лаборд, рассуждения Петита о глобальном доминировании неоправданно «сосредоточены скорее на доминировании, вызванном действиями определенного субъекта, чем на доминировании системном» [Laborde 2010: 57]. Для того чтобы адекватно проанализировать доминирование в глобальном контексте, следует уделить внимание и последнему — оставить разговоры о акторах и их намерениях и начать применять термин «доминирование» «не только к межличностным отношениям, но и к базовым, системным структурам власти» [Laborde 2010: 54].⁵ В сущности, толкование республиканского понятия свободы как отсутствия доминирования дает нам возможность работать с «более расплывчатыми формами социального доминирования», которые сегодня на мировой арене как раз преобладают [Laborde 2010: 50].

С этой точки зрения ущемление и утрата свободы являются характерной чертой глобализованного мира как такового; доминирование становится масштабным явлением, в рамках которого «все больше и больше людей оказываются зависимы от решений, принятых где-то далеко и анонимно, от решений, на которые они не имеют практически никакого влияния» [Laborde 2010: 50]. Таким образом, глобальный мир лучше описывается посредством отсылки к «системам» и «структурам», которые никак не зависят от лиц, действующих в этих «системах» и «структурах», скорее, наоборот: те, кто осуществляют доминирование на глобальном уровне, сами «коллективно поддерживают» те «институциональные структуры», которым принадлежат. Более того, «перенесение фокуса внимания с мотивов и действий конкретных лиц <...> на структуры доминирования, в рамках которых эти лица действуют <...>, заостряет внимание и на нашей общей ответственности за поддержание систем доминирования и извлечение из них выгоды» [Laborde 2010: 57–58].

Здесь, в отличие от толкований республиканской традиции, принадлежащих Скиннеру и Петиту, доминирование уже не опи-

⁵ В задачи этой статьи не входит обсуждение того, является ли это соображение действительно веским аргументом против рассуждения Петита. Однако следует отметить, что Петит отнюдь не ограничивает доминирование *межличностными* отношениями, вопреки примерам и иллюстрациям, им приводимым, особенно в «Республиканизме» [Pettit 1997].

сывается в первую очередь как асимметричные отношения между субъектами (собственно людьми или корпорациями), инициируемые волей и способностью доминировать одного из них. Вместо этого оно понимается как системное или структурное явление, свойственное глобальной сфере как таковой, т. е. доминирование становится продуктом «глобального экономического устройства», «современной глобальной системы», «новой глобальной политической обстановки» и т. д. [Laborde 2010: 58, 63; Forst 2001: 174; Bohman 2005b: 313]. В то же время структуры или системы доминирования такого рода выглядят более проблематичными с республиканской точки зрения в условиях, когда они эксплуатируются и усиливаются обладающими властью субъектами. Как следствие — «зло транснационального доминирования» объясняется Лаборд и другими представителями республиканизма структуралистского толка во многом в тех же категориях, что мы обнаруживаем в предложенном Петитом проекте республиканского права народов: в категориях позиций и действий «государств, корпораций и международных организаций», которые в результате выступают главными злодеями глобального мира, — теми, кто производит и воспроизводит системы и структуры глобального доминирования [Laborde 2010: 50].

Отметив эту двусмысленность и воспользовавшись одной из классических категорий республиканской традиции, категорией рабства, Джеймс Боман утверждает, что глобализация «структурно подобна» «тирании» в той мере, в которой она подрывает способность «сопротивляться власти, осуществляемой другими на расстоянии», со стороны тех, кто обнаруживает себя «включенными вопреки собственной воле» в номинально кооперативные структуры, такие как Международный валютный фонд или Всемирная торговая организация [Bohman 2004: 342]. Отметим здесь фразу «структурно подобна». Как должна быть помыслена глобализация, чтобы оказаться структурно подобной тирании? Я с ходу вижу два пути. Первый — мы, в соответствии с классической республиканской традицией, считаем, что процессы глобализации в конечном счете могут быть сведены к поступкам конкретных субъектов, которых мы по привычке называем «тиранами», в соответствии с социальной онтологией субъектности и интенциональности, на которых Петит и выстроил свою интерпретацию доминирования.

Второй — мы возьмем на себя смелость представить глобализацию в качестве структурного условия тирании без тиранов — вариант, потенциально входящий в противоречие с указанной социальной онтологией и совершенно точно очень далекий от классической республиканской традиции.

Еще больше усложняется вопрос тем, что, помимо уже упомянутых «акторов», «намерений», «структур» и «систем», при описании глобального доминирования используются такие понятия как «силы» (*forces*), например: «на жизни обычных людей оказывают глубокое влияние силы, которые и сами эти люди, и их правительства едва ли могут определить, проконтролировать и даже предугадать» [Laborde 2010: 58]. Таким образом, описанное свободное государство — это государство, «не зависящее от воли других и от внешних сил, которые оно не может контролировать» [Ibid.: 63]. Если исходить из того, что «внешние силы» в этом предложении не являются чистым плеоназмом, это означает, что помимо «субъектов» и «намерений», дополненных «системами» и «структурами», нам нужны еще и «силы», чтобы понятие доминирования в полной мере охватило все «размытые, непрямые, виртуальные, многообразные формы, которые принимает глобализованная власть» [Ibid.: 59].

Предполагается, что «силы» — это нечто отличное от «структур» и «систем». Последние могут обуславливать и даже определять субъектность агента, в зависимости от нашей позиции в старом споре по поводу отношения структуры и агента [ср.: Lukes 1977]. Слово «сила» активно используется в повседневности и в техническом языке; в этом контексте оно представляет собой метафорическое расширение того значения, которое оно имеет в современной физике. “Oxford English Dictionary” так определяют это метафорическое значение слова «сила»: «фактор, воздействие или источник влияния, сравнимые с физической силой» (“an agency, influence, or source of power likened to a physical force”). Эта метафора говорит о том, что силы действуют на нас ничуть не менее, а, может, даже и более ощутимо, чем структуры и системы, однако другим способом: силы обладают возможностью стереть нас с лица земли, «вносить изменения в состояние покоя» и переводить из одного состояния в другое [Oxford English Dictionary Online]. В современном контексте за этим словом прячется нехватка и утрата контроля,

возможно, являющаяся следствием глобализации: «глобализация оказалась слишком деполитизированной и была оставлена на произвол как будто бы естественных рыночных сил, которые, подобно слепой стихии, определяют участь целых народов, лишая их всякого контроля над их коллективной судьбой» [Laborde 2010: 67].

Взятые вместе, эти описания доминирования в терминах агентов, структур, систем и сил, кажется, охватывают все возможности покушения на нашу свободу, доступные в глобальном контексте, предоставляя нам всеобъемлющее понятие доминирования в качестве основы для нормативного суждения на глобальном уровне. Однако в свете классической республиканской традиции это понятие окажется не столько всеобъемлющим, сколько растянутым до бессмысленности. Как писал Петтит, «доминирующая сторона всегда будет действующим лицом, она не может быть просто системой, или сетью, или чем-то еще подобным» [Pettit 1997: 52]. Однако теоретики глобальной политики, имея в виду современную ситуацию, пришли к убеждению, что она может быть чем угодно из вышеперечисленного и всем вышеперечисленным одновременно, а потому ее адекватное описание должно включать те многочисленные и многообразные формы и источники доминирования, которые существуют на глобальном уровне.

И в то же время (если мы продолжаем ориентироваться на современную ситуацию) стремление к полноте и всеохватности понятия приводит нас к чему-то близкому к тавтологии: чем шире наше толкование доминирования, тем больше это понятие совпадает с самыми общими представлениями о глобализации и глобальности. Как в академическом, так и в повседневном дискурсе глобализация обычно описывается одним из трех способов, близко соотносимых с приведенными выше интерпретациями доминирования: *либо* как явление, порожденное инициативой неких лиц (будь то государства, многонациональные корпорации или интернациональные организации) и в конечном счете сводимое к их действиям; *либо* как системное или структурное явление, которое, в свою очередь, влияет на агентов, его воспроизводящих; *либо* как всеохватывающая сила, воздействующая и на структурный и системный уровни мировой политики, и на агентов, действующих и взаимодействующих в рамках этих структур и систем [Bartelson 2000; Held 2000; Keohane 2002: 14–15].

Понятие доминирования в глобальной политической теории включает в себя не только все три трактовки глобализации. В дополнение к ним, как следует из замечания Петита о высокой чувствительности государств к внешним воздействиям, транснациональная взаимозависимость как таковая подразумевает некую произвольную власть над государствами и их гражданами — безотносительно, верим ли мы в то, что мы находимся в руках неких агентов, либо под воздействием структур и систем, либо во власти сил, якобы находящихся вне нашего контроля. Следует признать, что ситуация, когда в отношении субъекта может быть произвольно применена сила (равно как и ключевая коннотация, присущая понятиям глобализации и глобальности в академической и бытовой сферах), воспринимается как новая норма в глобальной политической теории. Если, стремясь приспособить понятие доминирования к этой реальности, мы будем и дальше расширять его, то это приведет к размытию проблемы и превращению ее в общую и привычную жалобу на оборотные стороны глобализации. Разумеется, именно это и является основанием для большинства представителей республиканской теории использовать понятие свободы для описания глобальной среды. Вооружившись настолько широким описательным понятием, «не составит труда показать, насколько распространено доминирование в современном устройстве мира» [Laborde 2010: 58].

II. РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ

Переходя от многообразия форм и источников глобального доминирования к возможным средствам избавления от него, стоит отметить происходящее в последнее десятилетие параллельное расширение «строго политического значения» понятия «свобода», на котором настаивал Скиннер, и категории доминирования. Реконтекстуализация республиканской свободы в глобальном контексте естественным образом сопряжена с явным отсутствием в этой среде институтов, подобных тем, о которых говорит классическая республиканская традиция. Ключевой вопрос, таким образом, касается возможного значения и значимости республиканской свободы в контексте подобного рода. Здесь внимание переключается

с описательного к предписывающему смыслу этого понятия: какую институциональную рамку нам следует выбрать, чтобы обеспечить возможность реализации гражданской свободы на глобальном уровне в условиях отсутствия мирового правительства, институционально напоминающего государство в республиканском представлении?

Петтит признает, что космополитичное мировое государство может, «по крайней мере в принципе», служить институциональной рамкой, обеспечивающей реализацию свободы как отсутствия внешнего контроля на глобальном уровне, но при этом он отмечает, что «ничто даже отдаленно напоминающее такого рода государство в современных условиях невозможно» [Pettit 2010: 81]. Такие международные организации, как ООН, по всей вероятности, «не будут обладать ресурсами, необходимыми для эффективного контроля межгосударственного доминирования», однако Петтит полагает, что эти организации «естественным образом порождают в разных кругах дискуссию о том, как все должно быть устроено на глобальном уровне». И хотя эта порожденная ими дискуссия «никогда не придет к консенсусу, она тем не менее может утвердить ряд соображений, которые все стороны будут считать релевантными применительно к глобальной организации» [Ibid.: 81–82]. Этот анализ «государств, как они есть» недвусмысленно отрицает космополитичную идею глобальной демократии, но при этом остается в пределах, очерченных республиканской традицией, помещая свободу и вопрос ее утраты в институциональные рамки, которые в конечном счете устанавливаются государствами.

Для других ученых поводом для использования республиканского понятия свободы в глобальной среде становятся узы, связывающие республиканскую свободу и гражданство. Такое применение понятия означает создание некоей формы глобального гражданства в качестве неперменного, хоть и не единственно необходимого условия реализации и защиты свободы в глобализованном мире. Одним из способов отстаивания такого космополитичного видения свободы с республиканских позиций является право. В данном контексте свобода как отсутствие доминирования отсылает к вопросу о том, какими, собственно, правами мы обладаем и в какой мере мы «в своем институциональном качестве» способны о них заявить в рамках любого политического устройства независимо от его

масштаба. Гражданская свобода с этой точки зрения — это «функция статуса»: статуса, подразумевающего обладание конкретными правами и обязанностями в отношении осуществления власти. В отсутствие институтов, которые «создают и распределяют» эту функцию, республиканское понятие свободы, по-видимому, лишено смысла и значения, поскольку в таком случае нам нечем обладать, не о чем заявлять и ничто не защищает нас от «произвола других людей» [Halldenius 2010: 21–22]. Это значит, что только в рамках «институциональной системы, или в гражданском состоянии, мы действительно можем задать вопрос, выполняют ли имеющиеся институты эту функцию при посредстве законов и их воздействия на социальные отношения. Без и вне таких регулирующих институтов, как право, этот вопрос вообще не возникает» [Ibid.: 19].

Столь строгое понимание институциональных условий гражданской свободы восходит к классическим текстам республиканской традиции и используемым в них категориям римского права, в частности к существующему в праве лиц разделению между *sui iuris* и *in potestate*. Согласно «Дигестам» Юстиниана, в отношении человека (и начиная, по крайней мере, с «Истории Рима» Тита Ливия — в отношении политического сообщества) *sui iuris* означало полноправное самостоятельно действующее лицо; и, напротив, *in potestate* означало пребывание во власти кого-то другого, наподобие раба [Скиннер 2006: 43–45; Skinner 2002]. Поэтому если мы исходим из того, что свобода от доминирования является первым принципом политического устройства, опять-таки вне зависимости от его масштаба, и из того, что политические и правовые институты являются гарантией соблюдения этого принципа, то перенесение республиканского понятия свободы в глобальный контекст должно сопровождаться «аргументом в пользу создания ряда глобальных институтов, которые будут регулировать взаимоотношения и гарантировать людям статус граждан» [Halldenius 2010: 25]. Таким образом истолкованное республиканское понятие свободы убедительно обосновывает необходимость учреждения институтов на глобальном уровне, вне существующей международной государственной системы, которую Петит берет за точку отсчета для своего республиканского права народов.

Справедливо и то, что очевидным возражением против этой космополитичной идеи является, по мнению Петита, сама идея

космополитичной идеи и невозможность ее воплощения в мире, в котором мы живем сегодня. Несмотря на ощущение нехватки и необходимости определенного рода институциональной структуры, совершенно не ясно, как и за счет чего она должна появиться. И, если мы говорим, что для реализации республиканской свободы необходимы институты, гарантирующие гражданство на глобальном уровне, не противоречим ли мы тогда наблюдению, что как граждане государств мы подвержены многочисленным формам доминирования именно в результате глобализации — либо по воле каких-то могущественных акторов, либо под давлением структур и систем, либо по милости сил, находящихся за пределами нашего контроля?

Космополитичная трактовка республиканской свободы мало что может сказать об этом переходе из мира государств, заклеемного доминированием, к глобальному мировому устройству, призванному доминирование сдерживать, именно потому, что нормативная сила республиканского понятия свободы проистекает из его укорененности в том или ином институциональном устройстве, будь то устройство существующих государств или грядущее глобальное политическое устройство.

Как и многие другие политические понятия, втянутые в воронку глобализации, республиканская свобода вскрывает лауну между явным сегодняшним состоянием зависимости и состоянием независимости, ожидаемым в неопределенном будущем, однако она не в силах ликвидировать эту лауну и помочь нам на пути преодоления трудностей нашего глобализованного состояния. Это приводит к тому, что республиканская свобода, перенесенная на глобальный уровень, оказывается либо новой формулировкой для умеренной формы государственного интернационализма или аргументом в пользу развитого космополитизма. В первом случае республиканская свобода остается в рамках спорных эгистических взглядов на глобальное политическое устройство; во втором случае она становится напоминанием о логических тупиках и собственной реалистичности, которые ассоциируются с современным космополитичным видением политического устройства [см.: Nagel 2005; Goodin 2007; Näsström 2007; Bartelson 2010].

Один из возможных путей выхода из этого тупика состоит в том, чтобы взглянуть на традиционный республиканский аргумент

с другого конца: можно представить, что республиканская свобода является необходимым условием возникновения институционального порядка на глобальном уровне, а не исходить из того, что существование такого рода порядка является необходимым условием реализации гражданской свободы. Для глобальной политической теории это означает отделение республиканского понятия свободы от сложных вопросов, касающихся транснациональной демократии. В этом же контексте актуализируются рассуждения о том, что власть и действия тех или иных акторов на мировой арене не должны оцениваться в первую очередь по установленным стандартам демократической легитимности, опирающимся, к примеру, на то, «какой мерой поддержки они пользуются или насколько прозрачными и открытыми их действия являются». Поэтому, чтобы такие ценности, как «участие, что-то значили с точки зрения демократического содержания, обладатели соответствующих прав должны иметь возможность свободно их реализовывать, не подвергаясь посягательствам со стороны властей». Если мы, таким образом, будем считать вопрос о свободе, так сказать, первичным относительно вопросов о политической власти и ее демократической легитимности, то «главной задачей глобальных правительственных институтов и транснациональных акторов (*actors*) в таком случае будет следить за тем, чтобы результаты их деятельности по крайней мере согласовывались с более масштабной целью содействия идеалу отсутствия доминирования». Институты и акторы будут «играть особую роль в этом отношении, если смогут подкрепить свои притязания на власть на глобальном уровне мерами по содействию политической свободе, необходимой для того, чтобы превратить глобальное общество в глобальное сообщество» [Bartelson 2010: 234].

Если оставить в стороне вопрос о реалистичности вышеописанного, эта последняя трактовка республиканского понятия свободы делает перспективы проведения реформы в мировой политике куда более многообещающими, но в то же время она заставляет поднять вопрос: каковы условия, необходимые для сохранения и эффективной реализации гражданской свободы, понятой как отсутствие зависимости или доминирования? По мнению сторонников данной интерпретации республиканского понятия свободы, ответ на этот вопрос давно известен: главным условием является наличие институциональной структуры, не допускающей произвола власти.

В глобальном контексте это мгновенно возвращает нас к отправной точке рассуждений, а именно к вопросу о том, как такого рода структура может быть создана на глобальном уровне, минуя возможности произвольного отправления власти. Для неоримского понимания гражданской свободы эта инверсия нормативных приоритетов будет выглядеть не иначе как внутреннее противоречие: если мы просим агентов глобального правительства оставаться верными идеалу недоминирования в отсутствие каких-либо соответствующих ему институциональных рамок, мы, таким образом, обращаемся к их воле, или доброй воле, то есть делаем как раз то, от чего республиканское понятие свободы и было призвано нас оградить. Замена понятия «глобальное управление (*governance*)» на «глобальное гражданское общество» сути дела не меняет, при всем нашем уважении к Боману и другим ученым, утверждавшим, что «даже в отсутствие вполне оформленного космополитичного политического сообщества, транснациональное гражданское общество может выступать в качестве замещающего адресата претензий касательно доминирования» [Bohman 2004: 349].

III. АПОРИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ СВОБОДЫ

До сих пор я говорил о том, что реконтекстуализация республиканской свободы в глобальной политической теории повлекла за собой существенное переосмысление, которое привело к тому, что само понятие зависло между явной узостью и избыточностью — если говорить о широте понимания категории доминирования — и между неосуществимостью и противоречивостью в том, что касается институциональных условий гражданской свободы. Какие выводы мы из этого делаем? Когда политические теоретики и историки политических идей сознательно стремятся использовать в настоящем идеи прошлого, не воспроизводят ли они невольно тот тупик современного дискурса, в который он заходит, маневрируя между эгалитарским и космополитичным взглядом на политическое устройство? С моей точки зрения (и, возможно, вопреки очевидному), это не имеет отношения ни к тому представлению о свободе, которое мы находим в республиканской традиции раннего Нового времени, ни к своеобразию нашего современного политического дискурса

самого по себе. Я полагаю, что это имеет отношение скорее к тому, что произошло, когда республиканские идеи в последний раз были востребованы и реконцептуализованы для того, чтобы переосмыслить политический строй.

Как отметил Райнхарт Козеллек, в политическом дискурсе конца XVIII в. аристотелевская классификация форм правления (монархия, аристократия и демократия и их извращенные формы) быстро превратилась в «вынужденный выбор» между деспотизмом и республиканизмом. Этот вынужденный выбор был вписан в дух времени благодаря нарративу исторического прогресса, ведущего от деспотизма прошлого к республике будущего. Например, Иммануил Кант называл этот путь к республике будущего «республиканизмом», — используя неологизм того времени. По словам Козеллека, термин «республиканизм» и окружающий его дискурс впоследствии стали служить для «теоретического предсказания будущего движения истории и практического влияния на нее». Начиная с конца XVIII в. республиканизм «стал обращенным к политическому действию моральным требованием» осуществить желаемый переход от деспотизма к республиканизму, как это постулировал сам дискурс [Koselleck 2004: 273].

Та идея, что республиканская доктрина подразумевает обязательство реализовать республиканское устройство, не утратила притягательности, которой она обладала в период Просвещения. Наша первая обязанность как современных республиканцев, судя по всему, заключается в том, чтобы перевести политическую теорию в практику, идеи прошлого — в республику настоящего или будущего (или, по крайней мере, обеспечить их переводимость). В глобальной политической теории это исторически унаследованное обязательство проявляет себя, как мы видели, в трактовках республиканской свободы, основанных на одной из двух существующих в настоящее время моделей глобального политического устройства. Теоретики республики вынуждены *либо* ограничивать сферу применения понятия свободы современной государственной системой, чтобы подчеркнуть его реалистичность, *либо* в вызывающе благостной манере описывать не слишком-то внятные перспективы, открывающиеся перед глобальным *civitas libera*. В том и другом случае они связывают актуальность республиканского понятия свободы с его предполагаемой практической полезностью в качестве модели

глобального политического устройства и соответствующим образом видоизменяют и приспособливают это понятие.

Та же самая просветительская идея питает собой и само желание сделать республиканское понятие свободы частью прошлого, которое можно поставить на службу настоящему. Не случайно Скиннер полагает, что такой взгляд на свободу уже сам по себе «помогает нам освободиться», а наше освобождение с этой точки зрения — это наша способность «отстраниться от унаследованных нами интеллектуальных предпочтений и спросить себя уже в новом, исследовательском духе, как нам следует их понимать» [Скиннер 2006: 97]. Не случайно и то, что Скиннер именно в работе, посвященной республиканской теории свободы, обнаруживает наиболее ясные и систематические суждения о пользе и применении исторического исследования. Очевидно, что как раз в процессе «раскапывания» и интерпретации республиканского понятия свободы Скиннер не мог не задуматься над тем, «в чем смысл всего этого», где «все это» — исторические изыскания, которыми Скиннер занимался на протяжении всей своей блестящей карьеры [Там же: 91; ср.: Lane 2012].

Однако тех, кто сегодня пытается ввести в оборот глобальной политической теории понятие республиканской свободы из раннего Нового времени, вовсе не устраивает перспектива просто «открывать богатства нашего интеллектуального наследия <...> и предъявлять их публике» [Скиннер 2006: 98–99]. Последователи Скиннера в глобальной политической теории (и на самом-то деле и сам Скиннер) очень активно отстаивают в текущих спорах о политическом устройстве свою точку зрения и соответствующе относятся к своему пониманию свободы, полагая, что цель всего этого должна состоять в чем-то большем, чем простом желании заставить своего читателя «пережевывать» информацию [Там же: 98]. Кроме того, теоретики республики поставили понятие свободы, позаимствованное у раннего Нового времени, на службу своих современных представлений о глобальном политическом устройстве и на разные лады толковали ее таким образом, чтобы это устройство выглядело более достижимым. А что касается применимости политических идей прошлого, то исторически осведомленная глобальная политическая теория отдает кантианской истории *a priori* не меньше, чем скиннеровской версией археологии Фуко. «Но как

возможно, чтобы история была дана *a priori*? — однажды спросил Кант. — Это возможно, если прорицатель сам вызывает или осуществляет события, которые предсказывает» [Kant 1991: 177].

Я не хочу сказать, что теоретики республики готовы согласиться со всеми нюансами кантовской увлекательной теории исторических знаков, но, как современные республиканцы, мы, прежде чем стать неоримлянами, просто обречены стать кантианцами — в том смысле, что польза от республиканского взгляда на свободу, кажется, сводится к вопросу, как, с нашей точки зрения, это понятие способно помочь воплотить в жизнь наши нынешние представления о политическом устройстве. И, как я пытался показать, именно на этом месте глобальная политическая теория запутывается в противоречивых толкованиях понятия свободы. Есть ли выход из этого тупика? Я уверен, что он должен быть. Но найти его можно только при условии, что теоретики республики отважатся предложить свое видение свободы не как лишь теоретическую модель для глобального устройства, о которой следует судить в соответствии с ее предполагаемой практической ценностью в настоящем или будущем, но как нормативный идеал, которым мы можем в какой-то мере руководствоваться в ситуации, когда практическая ценность любых моделей глобального политического устройства остается в значительной степени под вопросом. Мне кажется, что это очень близко к тому, что имел в виду Кант, когда назвал два самых бескомпромиссных неоримских трактата — «Утопию» Томаса Мора и «Океанию» Джеймса Харрингтона — «фантазиями воспаленного ума» [Ibid.: 188].

Как объясняет Кант своим читателям в длинном примечании к «Спору факультетов», проблема с такими «политическими творениями», как «Утопия» и «Океания», в принципе та же, что и проблема «с сотворением мира: никто при этом не присутствовал, и никто не мог при этом присутствовать, или он должен был сам себя создать» [Ibid.]. Смысл республиканского понятия свободы в современном глобальном контексте будет в том, чтобы настаивать на необходимости этой невозможности и невозможности этой необходимости: республиканское представление о свободе действительно требует, чтобы мы сами себя создали как политических субъектов, если хотим быть свободными на глобальном уровне. Другими словами, любое «мы», от имени которого республиканская свобода

продвигается в качестве идеала глобальной политической теории и практики, должно, в соответствии с этим самым идеалом, рассматриваться как создатель институциональных предусловий для своей собственной свободы и как хранитель институтов, которые должны возникнуть в результате необходимого и невозможного акта самосотворения. Этот парадокс политического самосотворения является, в свою очередь, частью истории современного республиканизма, хотя и не занимает заметного места в доминирующем сегодня неоримском нарративе. Самую знаменитую формулировку этого парадокса можно найти среди задач, которые ставит перед законодателем в своем трактате «Об общественном договоре» Руссо: «чтобы люди до появления законов были тем, чем они должны стать благодаря этим законам» [Руссо 1998: VII, 232].

Польза республиканского понятия свободы на глобальном уровне не будет в таком случае заключаться ни в том, чтобы представить дело так, будто гражданская свобода достижима в политической практике здесь и сейчас, сузив для этого границы доминирования и подогнав институциональную структуру гражданской свободы под существующую систему межгосударственных отношений, и ни в том, чтобы обещать будущее воплощение гражданской свободы на глобальном уровне, расширив для этого границы доминирования и параллельного ослабив институциональные требования достижения свободы — и таким образом стерев основное неоримское различие между свободой и рабством. Смысл республиканского понятия свободы в рамках этого толкования будет заключаться в том противоречии, которое оно создает: утверждая, что *мы* — но кто эти «мы»? [ср.: Derrida 2002] — *должны*, однако *не можем* создать самих себя как субъектов глобальной политики, оно заставляет нас увидеть не только зловещие аспекты глобализации, которые подчеркивают нынешние сторонники республиканской свободы, но и апоретическое по своей природе политическое чувство свободы, являющееся ответом на эти зловещие аспекты. Оно заставит нас признать очевидное отсутствие в настоящем чего бы то ни было, напоминающего глобальное *civitas libera*, и при этом не ограничивать применимость этого концепта только к нашей современной отмирающей системе государств и не рыскать нервно по всей планете в поисках хоть каких-нибудь знаков возникающих институциональных механизмов, или отношений, или поведенческих моделей,

которые можно поставить на службу будущему республиканскому правлению. С этой точки зрения переход от нашего нынешнего состояния зависимости к будущему состоянию свободы перестает быть зияющей пропастью, которую нужно преодолеть (как она мыслится в современной теории республики и в призывах Руссо, обращенных к псевдобожественной фигуре законодателя), а становится апорией, которую нужно разрешить.

Ханна Арендт, Жак Деррида и Бонни Хониг великолепно продемонстрировали, как эта республиканская апория не покидает нас с тех пор, как начался *novo ordo saeculorum* («новый порядок веков»), и, в частности, как она решается в Декларации независимости США, создатели которой, парадоксальным и перформативным образом создают и утверждают независимость посредством самого речевого акта принятия декларации. Кроме того, они показали, как эта апория с тех пор неоднократно разрешалась новыми и новыми повторами исходного речевого акта [Арендт 2011; Derrida 2002; Honig 1991].⁶ Если теоретики республики хотят применять к современности свое понятие свободы, не увязая при этом в противоречиях, описанных мною в этой статье, они должны показать нам, как эта апория может быть разрешена в глобальной политической теории и практике, а не затемнять вопрос. Я не могу детально изложить здесь мое толкование, но, мне кажется, что приверженность республиканской форме правления на глобальном уровне может быть интерпретирована по аналогии с речевым актом, осуществленным в Декларации независимости и при ее посредстве. Этот шаг изменит наше понимание того, что именно мы делаем, когда пытаемся превратить республиканское видение свободы в «актуальное» прошлое в контексте современной глобальной политической теории: мы — историки политических идей и политические теоретики, выступающие в роли интерпретаторов и защитников республиканской традиции, — утверждаем исторически унаследованный язык гражданской свободы, на котором мы можем говорить от имени явным образом еще не существующего политического

⁶ О повторении в контексте теории речевых актов см.: [Derrida 1988]. Применительно к Деррида слово «исходный» должно выглядеть здесь так: «исходный» (перечеркнутым, *sous rature*), поскольку сама логика повторения, с точки зрения Деррида, подрывает всякое представление об исходном или дающим начало речевом акте, который может быть позже воспроизведен как идентичный и самоидентичный.

субъекта и от имени явным образом еще не существующих политических институтов, и все это для того, чтобы во всеуслышание осудить то, что явным образом сегодня существует: многообразие идей и практик — как публичных, так и частных, — препятствующих осуществлению республиканского правления на глобальном уровне [ср.: Butler 1997].⁷

Применимость республиканского видения свободы в таком случае будет заключаться не столько в самом понятии как теоретической модели того, что уже существует в глобальной политике, или того, чего, как нам кажется, мы от глобальной политики хотим (будь то этатистский или космополитичный взгляд на глобальное устройство), сколько в его нормативной силе, обращающей наше внимание на то, чего нам все еще очевидным образом не хватает на нашем тернистом пути к транснациональной взаимозависимости. Как удачно сформулировал Петтит, «цена свободы — постоянная бдительность» [Pettit 1997: 6]. Я бы добавил, что это цена, которую мы должны платить, не только когда хотим контролировать меру своего подчинения произвольной власти в политическом мире, но и когда мы размышляем над политическими языками, на которых мы думаем и говорим о подчинении и освобождении.

ЛИТЕРАТУРА

- Арендт, Ханна (2011), *О революции*. М.: Европа.
- Скиннер, Квентин (2006), *Свобода до либерализма*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Руссо Ж.Ж. (1998), «Об общественном договоре», в кн.: *Об общественном договоре. Трактаты*, пер. с фр. А.Д. Хаятина и В.С. Алексеева-Попова. М.: Канон-Пресс-Ц, с. 195–322.
- Bartelson, Jens (2000), “Three Concepts of Globalization”, *International Sociology*, 15, p. 180–196.
- Bartelson, Jens (2010), *Beyond Democratic Legitimacy: Global Governance and the Promotion of Liberty*. Houndmills: Palgrave.
- Bohman, James (2004), “Republican Cosmopolitanism”, *The Journal of Political Philosophy*, 12, p. 336–352.

⁷ Я анализировал с этой точки зрения рассуждения о глобальном правлении в: [Enroth 2013].

Bohman, James (2005a), “The Democratic Minimum: Is Democracy a Means to Global Justice?”, *Ethics and International Affairs*, 19, p. 101–116.

Bohman, James (2005b), “From *Demos* to *Demoi*: Democracy across Borders”, *Ratio Juris*, 18, p. 293–314.

Bohman, James (2009), “Living without Freedom: Cosmopolitanism at Home and the Rule of Law”, *Political Theory*, 37, p. 539–561.

Butler, Judith (1997), *Excitable Speech: A Politics of the Performative*. London: Routledge.

Derrida, Jacques (1988), *Limited Inc*. Evanston, IL: Northwestern University Press.

Derrida, Jacques (2002), “Declarations of Independence”, in: *Negotiations*, ed. and transl. by Elizabeth Rottenberg. Stanford, CA: Stanford University Press.

Enroth, Henrik (2013), “Governance: The Art of Governing after Governmentality”, *European Journal of Social Theory*, published online: 17 June, p. 1–17.

Forst, Rainer (2001), “Towards a Critical Theory of Transnational Justice”, *Metaphilosophy*, 32, p. 160–179.

Gelderen, Martin van, and Skinner, Quentin (2002), “Introduction”, in: *Republicanism: A Shared European Heritage*, vol. I, ed. by Martin van Gelderen, and Quentin Skinner. Cambridge: Cambridge University Press.

Goodin, Robert E. (2007), “Enfranchising All Affected Interests, and Its Alternatives”, *Philosophy & Public Affairs*, 35, p. 40–68.

Haldenius, Lena (2010), “Building Blocks of a Republican Cosmopolitanism: The Modality of Being Free”, *European Journal of Political Theory*, 9, p. 12–30.

Held, David (2000), “Regulating Globalization? The Re-invention of Politics”, *International Journal of Sociology*, 15, p. 394–408.

Honig, Bonnie (1991), “Declarations of Independence: Arendt and Derrida on the Problem of Founding a Republic”, *American Political Science Review*, 85, p. 97–113.

Iverson, Duncan (2010), “Republican Human Rights?”, *European Journal of Political Theory*, 9, p. 31–47.

Kant, Immanuel (1991), “The Contest of Faculties”, in: *Political Writings*, ed. Hans Reiss. Cambridge: Cambridge University Press. [рус. изд. см. в: Кант, Иммануил (1966), *Сочинения в шести томах*. М.: Мысль (философ. наследие), т. 6, с. 311–347.]

Keohane, Robert (2002), *Power and Governance in a Partially Globalized World*. London: Routledge.

Koselleck, Reinhart (2004), *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York: Columbia University Press.

Laborde, Cécile (2010), “Republicanism and Global Justice: A Sketch”, *European Journal of Political Theory*, 9, p. 48–69.

Lane, Melissa (2012), “Doing Our Own Thinking for Ourselves: On Quentin Skinner’s Genealogical Turn”, *Journal of the History of Ideas*, 73, p. 71–82.

- Lukes, Steven (1977), "Power and Structure", in: *Essays in Social Theory*. London: Macmillan.
- Markell, Patchen (2008), "The Insufficiency of Non-Domination", *Political Theory*, 36, p. 9–36.
- Nagel, Thomas (2005), "The Problem of Global Justice", *Philosophy & Public Affairs*, 33, p. 113–147.
- Näsström, Sofia (2007), "The Legitimacy of the People", *Political Theory*, 35, p. 624–658.
- Pettit, Philip (1997), *Republicanism: A Theory of Freedom and Government*. Oxford.
- Pettit, Philip (2002), "Keeping Republican Freedom Simple: On a Difference with Quentin Skinner", *Political Theory*, 30, p. 339–356.
- Pettit, Philip (2005), "The Domination Complaint", in: *Nomos XLVI: Political Exclusion and Domination*, ed. by Melissa S. Williams, and Stephen Macedo. New York: New York University Press.
- Pettit, Philip (2010), "A Republican Law of Peoples", *European Journal of Political Theory*, 9, p. 70–94.
- Price, Richard (1991), *Two Tracts on Civil Liberty in Political Writings*, ed. D. O. Thomas. Cambridge: Cambridge University Press.
- Skinner, Quentin (2002), "Classical Liberty and the Coming of the English Civil War", in: *Republicanism: A Shared European Heritage*, vol. II, ed. by Quentin Skinner, and Martin van Gelderen. Cambridge: Cambridge University Press.
- Skinner, Quentin (2003), "States and the Freedom of Citizens", in: *States and Citizens: History, Theory, Prospects*, ed. by Quentin Skinner, and Bo Stråth. Cambridge, p. 11–27.
- Skinner, Quentin (2008), "Freedom as the Absence of Arbitrary Power", in: *Republicanism and Political Theory*, ed. by Cécile Laborde, and John Maynor. Malden, MA, p. 83–102.
- Skinner, Quentin (2010), "On the Slogans of Republican Political Theory", *European Journal of Political Theory*, 9 (1), p. 95–102.
- Sparling, Robert (2013), "Political Corruption and the Concept of Dependence in Republican Thought", *Political Theory*, 15, p. 1–30 (published online).

Перевод с англ. *Е. Шпазу*